

НА ТРОИХ, ИЛИ ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ
НА?..

16+

МАРИНА СУШИЛОВА

Марина Леонидовна Сушилова

На троих, или Есть ли жизнь на?..

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51608008

SelfPub; 2020

Аннотация

Кто из нас не мечтал побездельничать на полную катушку? Ну, так, чтобы ничего не делать, а деньги получать? Герои русских народных сказок, да и не только русских: Емеля, Иван – дурак, Алладин, – прибегали к колдовским чарам, чтобы достичь ленивой нирваны. Ты не поверишь, но у нас такой самоходной печкой, таким джином является государство. Точнее, некая его структура. Догадываешься, к чему я клоню? Если все еще нет, открывай книгу и узнаешь, как лежать на печи и есть калачи. Три подруги уже живут, как в сказке и не унывают. Конечно, как во всякой сказке они сталкиваются с добром и злом и, конечно же, побеждает добро, потому что они куют его своими руками.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	30

ПРОЛОГ

Когда человеку двадцать- тридцать- сорок лет он мечтает ... о пенсии. Да, да! Почти каждому, пусть под разными со- усами, но приходит эта мысль: «Хорошо пенсионерам! Ни- чего не делают, а деньги получают». И в этот миг, кажется: вот выйду на пенсию, объеду весь мир, обойду все театраль- ные выставки, запишусь в бассейн, на фитнес, научусь шить, стану учить языки, – в общем, реализую все свои мечты, на которые не хватало времени ранее. И вот подкрадывается тот самый день, когда... Ура, ура, ура! Свершилось: напутствен- ные слова коллег, объятия, обмен памятными сувенирами, обещание общаться и забегать с тортиком на бывшую рабо- ту... Все, на следующий день можно потягиваться в постели, пить, не торопясь утренний кофе, но в голове все еще слу- жебные заботы, выполнение планов, а затем сладкая мысль: это уже не ко мне. Потом посещает мысль еще слаще: можно не гладить опостылевшие белые рубашки, черные юбки, – и вы совершаете аутодафе. Идете к шкафу, вытаскиваете слу- жебные костюмы, блузки, рубашки, обувь и, прочитав над этой кучей тряпья приговор, устраиваете мысленное сожже- ние. А на самом деле, подумав, оставляете обувь, потому что неразумно выкидывать кожаные туфли, они еще пригодятся под платье, пару костюмов, платье – футляр, ну, и вот эта блузочка, оборками и рюшами которой вы дразнили началь-

ство – снова повисают в шкафу. Сразу скажу, что надолго. Настолько надолго, что тельце может поднабрать вес и все это станет вовсе неактуальным. Но это потом.

А сейчас, сейчас! – Джинсы, джинсы и еще раз джинсы! Шопинг!!! – Носить-то, как оказалось, нечего. Скорее в торговые центры. Все яркое, модное, чудесное, мимо чего ранее уныло тянулось мое существо, – теперь все мне! Примерочная, ряды, снова примерочная, – устала. Но ведь можно, посидеть в кафе, потягивая кофе, да, что уж теперь, можно и ликеру к мороженому попросить принести, ведь свобода отныне, свобода! К вечеру, обвешанная сумками, как елка новогодними игрушками, вывалиться из такси, потрянув обрезанными кудряшками немислимого яркого цвета, приготовив наспех ужин, накрыть стол, украсив его бутылкой шампанского, и ждать мужа с работы.

Спалось плохо, так как накануне вас охватило возбуждение, в голове крутилось, как удивятся коллеги вашему новому образу. И, правда, удивились! Охали, ахали, обнимали, пили чай с принесенными вами пирожными, советовались с вами по служебным вопросам – и вы купались в этих эмоциях – вам рады, вы произвели фурор!

Но проходит неделя, за ней вторая, потом месяц, другой... Уже изучены все телевизионные программы, просмотрены фильмы в интернете; заведена страничка в Инстаграм и отправлены первые селфи, и уже даже начали набираться подписчики и лайки; кулинарная тетрадь со старыми руко-

писными рецептами надежно поселилась на видном месте... и вы начинаете понимать, что у свободы есть и обратная сторона. Кроме того, что пенсия тает практически дней за пятнадцать-семнадцать (а первой хватило ровно на обновление вашего образа), вы начинаете осознавать, что у прошлых коллег и приятелей времени почти нет, чтобы общаться с вами столько, сколько бы вам хотелось; что все тропинки и дорожки, ведущие к вашему дому истоптаны; а муж уже воспринимает, как должное пироги и прочие изыски. А потом вас ждет еще одно открытие: что время куда-то просачивается сквозь пальцы. В жизни ДО, вы вставали за пятнадцать минут до пробуждения мужа и успевали позавтракать вместе, собрать обеденные контейнеры себе и ему, отгладить и вычистить костюмы и обувь свою и его...теперь же в жизни ПОСЛЕ вы встаете все также. Но время уходит только на то, чтобы собрать благоверного. А вы, кое-как проведя расческой по волосам, в халате, наскоро чмокнув мужа в щеку, остаетесь дома и не ложитесь досыпать, совсем нет! – а уже с утра погружаетесь в домашние дела. При этом, вы думаете: «Вот быстренько сейчас переделаю то, это, другое и стану свободна». Но через некоторое время вы удивляетесь: как же вы все успевали раньше, когда работали? И куда теперь девается это свободное волшебное время? Почему до сих пор остаются где-то за бортом удивительные путешествия и поездки? Фитнес-зал потеет без вас, и мускулистые тренеры обучают совсем других женщин. А отражение в зеркале со-

всем вас не удовлетворяет? И вы ловите себя на том, как портится характер, и вы начинаете ворчать. А еще, стрессов рабочих больше нет, но вот бессонница, по-прежнему, пытается водить с вами дружбу, да и здоровье почему-то не улучшается: то ноги ломит, то хвост отваливается. Постепенно исчезает маникюр с ваших ручек, и свои ножки вы все реже и реже балуете педикюром, прическа оставляет желать лучшего, да и о косметике вы вспоминаете только к выходным. Вы погрязаете в домашнем болоте, сериалах, социальных сетях... Иногда, вы пытаетесь стряхнуть с себя инертность, и подумываете о работе, но натываетесь взглядом на бабушек, моющих полы в подъездах, и оставляете порыв без реализации. Куда вас возьмут? Кому вы интересны, как работник? Да, и домочадцы отговаривают, ведь периодически, где-то раз в неделю, надо посидеть с внуками, выгулять чью-нибудь собачку, принести продукты родителям... и вы снова остаетесь посреди быта. Но когда вы осознаете, что теряете авторитет в глазах домашних, что начинаете выпадать из социума, что где-то кипит и бурлит жизнь, а у вас кипят и бурлят только борщи, вы понимаете: с этим надо что-то делать!

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

– Нет, с этим надо что-то делать! – произнесла Томка, уплетая пирожное и взирая большими влажными глазами на подруг. – Представляете, он вчера мне говорит: «А ты что, покрасилась?» Я на него гляжу вопросительно, отвечаю: «Да нет, вот уже месяц не покупала краску. А что, седину сильно видно?» А он мне: «Так у тебя волосы посветлели, ты же всегда брюнеткой была». И тут до меня доходит, что он только заметил, что я осветлилась. Представляете, полгода прошло, когда из рыжей (заметьте, девочки, из рыжей!), стала цвета 9.1, а он только заметил! Я ж тогда еще решила имидж сменить, ну, вы помните, к торжеству готовилась, – справляли в кафе годик младшей внучки! – У меня слов нет!

– Ну, почему же? – Надо было, как в том анекдоте...

– Да, да, у нас где-то списанный противогаз в кладовке валяется.

– Да уж, это точно из серии «брови выщипала», – протянула Светка, дожевывая свой эклер и, алчно глядя на общую тарелку, где еще оставались пирожные. – А мой на днях пошутить решил. Подхожу я, значит, к весам, а он, делая вид, что разговаривает, кричит в мобильник: «Алло, алло, это ремонт весов? У вас есть свободный сотрудник или все на выезде?» – и смеется гад. Я ему: «Ты на себя посмотри!» А он подходит к зеркалу и так, самодовольно: «Ну, я-то еще ни-

чего!» А ведь и, правда, ничего. Я же ему брючки отгладила, рубашечка свеженькая (в выходные только купили), пострижен, и рядом я – в халате и стоптанных шлепках.

– А мой и вовсе – домой стал поздно приходить, работа, говорит. А сам с мобильником то в другую комнату уйдет, то в туалете запрется. И главное, довольный такой в последнее время ходит... как сытый кот. – Тихо произнесла третья, высокая поджарая Ирка.

Помолчали, доедая, допивая, обдумывая услышанное.

– А сколько мы с вами не виделись, девочки? – спросила Тома. – Подумать только, ведь полгода! И куда только время уходит?

– Вот ты, Светуся, чем занята?

– Как чем? Дел навалом.

– Нет-нет, чем конкретно?

– Ну, обед варила, гладила, подшивала кое-что.

– Но ведь ты хотела в фитнес записаться!

– А ты знаешь, сколько абонемент стоит? Я, между прочим, решила сходить на пробное бесплатное занятие. Даже пришла туда, но увидев в чем они там занимаются, вспомнила о своих велосипедках и футболке и сразу повернула обратно. Там девицы, которым и худеть-то не надо, красуются. Я – рядом с ними просто бабка, которая неизвестно как туда забрела.

– Ну, а ты Иришка?

Ирка отвела глаза.

– А что я? Не помню.

– Как не помнишь? На сериал, что ли залипла?

– И на сериал тоже. Там такую любовь показывают! Он – хирург. На него покушение завистливых коллег, он память потерял, а она его только поцеловала, тут к нему память и вернулась!

– И все, все, что ты делала? Эй, не темни!

– Ну, за Толиком своим следила...

– Что?! – хором воскликнули подруги.

– Зачем? – спросила Тамара.

– Ну, я ж говорю, ходит довольный, как сытый кот.

– Ну, и что ты там накопала?

– Ничего. Подъехал к работе, а вечером вышел оттуда, правда с задержкой, но один, сел в машину и приехал домой.

– А как ты это выяснила?

– Да, я на велосипеде. С нашими пробками, могла даже быстрее его прикатить.

– И он тебя не увидел?

– Я старалась подальше держаться, по тротуарам, в основном, ехала. С буханкой хлеба.

– А хлеб-то зачем? – опешила Светка.

– Я ж зашла позже его домой, вот, якобы, за хлебом выбегала.

– Слушайте, девочки, мы как-то с вами неправильно живем! – сказала энергичная Томка. – Мужья, дети, внуки, борщи, сериалы, – а мы-то с вами где?

– Дома, – ответила ей Света.

– Я не в физическом плане, хотя и в физическом тоже. В духовном. Вот когда вы в последний раз книгу, например, прочли?

– Вчера, – неожиданно перебила ее Ира. – Она и сейчас в сумочке валяется. Опять деньги зря потратила.

– А что за книга?

Ирка потянулась к своей непомерной (для дамской) по размеру сумке и вытащила тоненькую книжицу в мягком переплете. На ней мужик с дипломатом двигался в раскрытую пасть акулы. Название гласило: «Десять способов борьбы с мужской неверностью». Томка повертела ее в руках, заглянула в середину, захлопнула и спросила:

– Значит, зря деньги выкинула?

– Зря. Там эта тетка сама себе противоречит: и тот способ не подходит, и так не делайте. Дача у нас и так есть, а в другой город я не поеду.

Подруги удивленно воззарились на нее. Тамара сказала:

– Ну-ка, дай мне эту книжонку, сама прочитаю.

– Да, что там читать? – Говорит, что меняйся, мол, сама.

Сама виновата, что муж гуляет.

– Тем более, давай сюда. Я ей такой отзыв в соцсетях состряпаю, мало не покажется! Девочки, а давайте шампанского закажем, мы так давно не собирались!

– Да, да, и поесть чего-нибудь, – добавила Светка.

Вечером мобильник Ирки выдал безапелляционное сообщение: «Завтра в десять у меня. Никаких отговорок не принимается! Светик оповещена». Женщина, хотела было, написать, что де, не может: стирка, готовка, глажка, сериал, опять же, – но мобильник снова прочирикал: «Повторяю, никаких отговорок, жду!» Ирина вздохнула, сделала погромче звук телевизора и стала готовить завтрашний обед, поскольку должна была забежать внучка после школы. «Ну вот, отдохнула, – ворчала она про себя, – и что Томке нейдет? Только сегодня виделись».

Светлана уже сидела на диванчике в Тамариной столовой и, конечно же, что-то уплетала с тарелки. Да, у хозяйки уже был готов яблочный пирог, и головокружительно пахло ароматом кофе с корицей. На круглом деревянном столе лежали салфетки, стояли приборы, – все как в лучших столах Лондона и Парижа. Возвышались коньячные бокалы и бутылка Мартина, тоненько нарезан лимон, – по всему было видно, что Тамара настроена решительно.

– Не рановато ли, начинаем? – поинтересовалась Ирина.

– А ты куда-то торопишься?

– В два после школы Олечка придет и что она обнаружит? – Пьяненькую бабушку?

– Во-первых, до двух еще уйма времени, во-вторых, у твоей Олечки есть ключи и руки, чтобы разогреть обед. Ты же, небось, полночи не спала, готовила.

– Конечно, готовила. Ребенок придет уставший, голод-

ный.

– Ну вот, позвонишь ей, скажешь, пусть сама разогревает и тарелку за собой потом помоеет. Зачем ты ей? Чтобы обслужила, да еще и потом вместо спасибо, услышать: «Ой, я тебе рассказывать ничего не стану, ты все равно ничего не понимаешь»?

Ириша повесила голову.

– Эта тетка права!

– Какая тетка? – спросила Света, отрываясь от куска пирога.

– Да, автор этой книжки. Я ж сначала хотела разгромный отзыв написать, а прочитала, задумалась: она в чем-то права. Потом еще ее книги в интернете нашла. Там, между прочим, для тебя, Светик, отдельная книга есть «Давайте худеть с удовольствием». Да, она ерничает, читать забавно, но она пишет дельные вещи. В общем, чтобы понять, возьмите и сами почитайте.

Ирина встрепенулась:

– Да читала я! Морочила голову, морочила, а потом – меняйся сама.

– Так, в этом и суть! Так что, тут без бутылки не разберешься. Ириша, тебе в кофе, как всегда?

– Я сама.

– Ну, давайте, девочки. Вот лимончик, фрукты, конфетки. За нас!

Тамара поглядывала на подруг и после традиционной тре-

тьей: «За нас с вами, и за хрен с ними!» – произнесла:

– Девочки, мы как-то не так живем. Никого не хочу сейчас критиковать, перечислять наши бесчисленные ошибки, но вывод напрашивается сам собой: жизнь проходит за нашими окнами, и если мы ничего не предпримем, не заметим, как превратимся в брюзжащих, вечно недовольных, старух. И виновато будет ни время, ни молодежь, ни мужья-дети-внуки, а мы сами. Мы хотим этого? – разливая по бокалам коньяк, спросила Тома.

– Нет! – бодро воскликнула Света.

– Нет, – уныло протянула Ирина.

– Ну, так вот, – продолжила Тамара. Если мы хотим, чтобы нас уважали дети и внуки, если мы хотим иметь вес в семье, если мы хотим, чтобы ревновали нас, а не мы, короче, «если мы хотим достичь шлема», – надо в корне изменить собственное отношение к жизни на пенсии! А для этого надо поставить цель. Берем листок бумаги. Светик, чего бы хотелось тебе?

– Похудеть, – ответила та, успевая жевать при этом.

– Хорошо. Пишем: «Света – похудеть...» – сколько бы тебе хотелось сбросить?

– Для начала, килограммов пять, чтобы в те вещи влезть, которые до выхода на пенсию носила.

– А ты что, не выкинула их?

– Жалко как-то, я за них такие деньги отдавала!

– Ага. Значит, тебе надо, кроме книги о похудании, про-

честь еще и как бороться с финансовым кризисом.

– Это пусть правительство голову ломает.

– Нет, у этой тетки есть занимательная книжка как раз для таких, как мы: с небольшим доходом, но с большими планами на жизнь.

– А у нас разве большие планы? – нерешительно спросила Ирина.

– С этого дня – большие! – Решительно отрезала Тамара. И так, пишем: «похудеть на пять килограммов».

– Ага, похудеет она так, если ты ее пирогами кормить станешь! – неожиданно съехидничала оппонентка.

– Похудеет! И у нас животы подтянутся.

– Ирке не обязательно, – завистливо протянула Светлана.

– Всем обязательно! Ирку в первую очередь, надо в порядок приводить!

– Чой это? Почему меня в первую очередь? – вяло возмутилась Ирина.

– Сама же говоришь, Толик твой довольный...и не тобой... – стараясь сформулировать помягче народное «гуляет», произнесла Тома.

– Ну, а ты сама?

– А что сама? Рассказывала же, что муж, как будто, сквозь меня смотрит, не заметил даже, что я рыжая ходила, потом осветлилась. Нет, надо их всех встряхнуть, да так, чтобы они в себя пришли! Давай, Ирка, записываем твою цель!

– Нет, у меня цели, домой хочу.

– Опять на диван, сериалы свои смотреть?

– А что плохого в сериалах? Там любовь показывают.

– Вот именно, что показывают. А ты сама снова испытать не хочешь?

– Не знаю. Мне так спокойнее.

– Ну, а чтобы тебя любили, как в этих сериалах?

Ирина задумалась.

– Хочу, конечно.

– Значит, записываем: «Ириша: цель – любовь».

– Ну, а у тебя какая цель?

– Пишем: «Тома: цель – приключения».

– На пятую точку, что ли? – прыснула слегка охмелевшая Светлана.

– Пока не знаю. Но встряхнуться надо точно! Итак, цели поставлены. Надо с чего-то начинать. «Начало – полдела откачал!» – как говаривал мой дед. А он – умный у меня был. Я думаю, надо начать с утренних пробежек.

– Только не это! – испугалась Ирина. – Дел с утра, не огребешь: и Толика на работу собрать, и обед, и стирка, и глажка.

– А что, Толик твой, без рук совсем? Сам собраться не может?

– Нет, нет и нет! – наотрез отказалась Ирина.

– Хорошо, когда твой барин на работу отбывает?

– Без пятнадцати семь.

– Вот и чудненько. Значит, сбор у меня ровно в семь.

– Ты обалдела? – протянула Светлана, – Я только в

семь встаю. Пока чаек, пока кофеек, чтобы глаза открылись...неее, я так рано не могу.

– Сможешь! – отрезала Тома, – тебе, между прочим, это нужнее всех! И если бы не Ириша, мы бы в шесть выбегали.

– А куда побежим-то?

– К новой жизни! – сверкая глазами, объявила Тамара.

А если уж она что решила, сопротивляться бессмысленно: нужно было расслабиться и попытаться получить удовольствие.

Они познакомились так давно, что иногда их память давала сбой по тому или иному эпизоду. Когда-то они, юные жены новоиспеченных лейтенантов, прибыли в один из военных городков, затерянный в лесу – в щитовой барак с одной кухней на восемнадцать семей, с одним душем на всех и с одним туалетом. Причем, хоть туалет был рассчитан на три персоны, так сказать, но внутренние кабинки были без дверей, обзор с порога был полный. Изюминка этого изобретения командиров танкового батальона состояла в том, что туалет был рассчитан, как на мужское население, так и на женское. Это изумительное сооружение на сорок человек обоего пола, требовало хорошего слуха того, кто находился с внешней стороны «ЭМЖО» и зычного голоса находящегося в процессе.

– Тут есть кто?! – старался прокричать, как много громче подходящий.

– ДДДА, – выдавливал тот, кто занял территорию раньше.

И если тембр голоса совпадал по гендерному признаку, новый посетитель входил, если же нет, дожидался снаружи. Когда выходил предыдущий и сталкивался с последующим, они весело приветствовали друг друга.

То же касалось и общего душа на две кабинки, на которых также отсутствовала индивидуальная дверь.

В основном, неписанные правила соблюдались неукоснительно. Но были шутники с мужской стороны. Однажды Тамара, подойдя к туалету «типа сортира» проголосила пароль. Отзыва не последовало. Она зашла... и увидела примостившегося на очке подвыпившего холостяка.

– Девяткин, сволочь! – закричала она. – Ты почему молчишь?!

– А я никого не боюсь, – захихикал тот.

А готовка на общей кухне? – О, какие страсти кипели тут вместе с борщами, компотами, соусами! Сколько запекалось сплетен вперемешку с бисквитами, печеньями, кексами и приукрашивалось вместе с ними же!

Но зато и обмен рецептами, взаимовыручка и настоящая дружба на всю жизнь начиналась именно здесь. И не только среди взрослых. Тут, в общем коридоре и песочнице перед баракom, происходило общественное воспитание оравы все нарождающихся ребятишек. Так как комнатухи были крохотными, то детвора сайгачила или в длинном коридоре,

или на улице перед зданием под присмотром мамаш, которые сменяли друг друга, находясь на своеобразном дежурстве. Таким образом, ребятишки воспитывались коллективно и разнообразно, в соответствии с педагогическими представлениями очередной дежурной.

А какие праздники справлялись в общежитие! Столы, приставленные друг другу длинной линией в коридоре, ломались от изысков. Музыка гремела. И странное дело, взрослые веселились, а детвора мирно посапывала в кроватках под музыку, смех и топот родителей!

Что там говорить? – Детвора не реагировала и на звуки снарядов, разрывающихся во время стрельб на танковой директрисе, находящейся всего в трех километрах от жилья. Стены барака ходили ходуном от взрывной волны, бывало, валились книжные полки, шатались шкафы, а дети спали, как ни в чем не бывало.

В аптеку надо было проделать путь по лесу четыре с половиной километров туда, и столько же обратно в ближайший поселок. В поселке же находились магазинчики, кабинет врача, а также остановка автобуса, на котором можно было уехать при необходимости в госпиталь. (Надо сказать, что до госпиталя было 70 километров). В самом же городке из транспорта были только детские коляски, которые весело катились с горы по дороге туда; и которые приходилось толкать всем своим весом мамашкам, обвешанными сумками, в гору обратно. Но сказано же мудрыми, что ничего так не

сплачивает людей, как совместные трудности. Жили весело и дружно. И утром вставали по одному будильнику. Да, да, такая была слышимость: «...как известно, фанера – лучший проводник звука», – выражаясь фразой из бессмертного творения Ильфа и Петрова.

Правда, случались и казусы. Надо сказать, что в этом же бараке, который командирам казался, наверное, резиновым, умудрялись проживать не только восемнадцать семей (при этом, количество детишек год от года прибавлялось), но и три холостяка, а также две одинокие девушки из числа вольнонаемных. Холостяки отличались в основном тем, что вечерами один из них брал пачку соли, заходил на общую кухню, с зычным объявлением: «Меняю соль на ужин!». – На что, получал от сердобольных хозяйшек предостаточно жаренного и пареного не только для себя, но и для двух других поджидающих его голодных оболтусов. Они, конечно, могли питаться в солдатской столовой, но предпочитали домашние разносолы. А еще, время от времени (ну, примерно раз в полгода), холостяки устраивали уборку в своей комнате, при которой к двери подгонялась и заполнялась пустой тарой из-под пива и водки тачка, и направляемая толчками и матом, тащилась к помойке. Впрочем, мат звучал уже далеко за пределами общежития и никогда не достигал детских ушей. Но кряхтение сквозь сцепленные зубы в пределах барака, не делало картину менее живописной: звенели и брякали бутылки, скрипела перегруженная тележка: «Куда ты?

К дорожке давай! Сейчас все свалится!» И, действительно, сваливалось, разбивалось, подбиралось, грузилось на тележку снова, ну, и так далее.

Две девушки проживали тихо и почти незаметно. Они крайне редко появлялись на общей кухне, почти не участвовали в бурной жизни общежития; у них не было детей и мужей, которых надо было удивлять кулинарными шедеврами, обстирывать, выглаживать, начищать до блеска, короче, холить и лелеять. Где и как они проводили свободное время, было неизвестно. Но один эпизод бросил тень (возможно, безосновательно) на девушек и слегка пошатнул безразличное отношение к ним женской части барака.

Дело было так. Новый Год встретили весело и с огоньком (в виде салюта из ракетниц), потанцевали, убрали со столов, а потом и самые эти столы, табуреты и посуда разбрелись по комнатам общежития. Стало тихо. Из сладких снов, вызванных отчасти хмельными парами, стал вырывать стук поочередно в каждую дверь и тихий, вопрос: «Олег не у вас?»

В бараке проживала красивая пара: оба высокие, подтянутые, с привлекательными чертами лица, она – блондинка, он – брюнет. Фамилия выдавала в нем уроженца донских земель. Что и говорить, если бы женщины не были так поглощены своими мужьями и заботами, а он – службой, могло бы разбиться не одно сердце. Видимо, проказливому Амуру стало совсем скучно в этих стенах, и чтобы совсем не потерять квалификацию, он решил запустить стрелу наобум.

Так вот, Аллочка посреди ночи разыскивала Олега. Конечно, сон так и сдуло с обитателей, и до утра они ворочались в постелях, недоумевая, куда можно было деться в закрытом военном городке. В пять часов утра барак сотряс невиданный скандал. Крик зарождался в горле Аллочки и разносился в недрах общежития. «В трусах?!», – в трусах, в трусах, в трусах?.. – в недоумении повторяли в каждой комнате.

Утром заплаканная Аллочка вещала собравшимся женщинам.

– Представляете, пошел в туалет и пропал. Полчаса нет, час, два, я забеспокоилась, пошла по комнатам. Ну, может, зашел к кому продолжать праздновать Новый Год. Нет ни у кого. Явился под утро в одних трусах и даже не помнит, что уходил в джинсах, в джемпере, в носках и тапках. Одни трусы, представляете, на нем были одни трусы! Спрашиваю: «Где был?» Отвечает, что у холостяков. Но врет, гад! Я стучала к ним и даже в комнату заходила. Костя и Пашка были там, Игореха дежурил, не было Олега там, не было!

Все утешали Аллочку нелогичными предположениями, но каждой в голову закралась одна и та же, мысль: надо было проверить вольнонаемных, – больше идти некуда. Не по улице же фланировал в одних трусах и босиком наш красавец брюнет! Но никто не озвучивал крамолу, все сплотились в едином порыве сохранить семью. С тех пор легкая тень осуждения легла на незамужних девушек. Было неизвестно, подозревала ли сама Аллочка кого-то конкретно, но то, что

она так и не простила благоверного, стало известно спустя время. Как известно, месть – это блюдо, которое подают холодным. . .

Но вынырнем из прошлого и вернемся в день сегодняшний. А сегодня поутру Томка, экипированная в яркую футболку, велосипедки, и даже припудренная и накрашенная, ждала своих подруг. Часы показывали 7.05, а их все не было. Наконец, послышался звук лифта, и звонок возвестил о приходе. На пороге стояла запыхавшаяся Ирка. На ней был выдавший виды спортивный костюм и мокасины.

– Ириша, тебе же жарко будет и неудобно. У тебя же кроссовки есть.

– Они новые, натуралка, жалко по камням обдирать.

– Мы новую жизнь начинаем, красивую! Ты не забыла? Долой все старое тряпье! А Светик где, не знаешь?

– Нет.

– Все, проспала, наверное. Звоню.

Но заспанная Светка уже входила в столовую.

– Что дверь-то не закрываешь? Привет!

– Привет!

Похоже, Светлана не успела даже расчесаться, как следует.

Тамара обвела подруг взглядом и произнесла:

– Да уж, команда. . . А привести себя в порядок не пробовали? Одной кроссовок и новой футболки жалко, другая то-

же...

– Что, тоже?

– Девочки, не обижайтесь, но выгладим мы сейчас потертыми, потрепанными. А хотим новой красивой жизни. Если мы сами не приложим усилия, ничего не выйдет. Давайте сегодня уж побежим, как есть, а завтра, будьте добры соответствовать целям и задачам.

Соответствовать целям и задачам было ох, как не просто. Ирка, бывшая спортсменка бежала ровно и неутомимо. Томка еще пыталась успеть за ней минут пятнадцать вровень. Светка просто плелась, пытаясь периодически перейти на рысь. Наконец, она повалилась на скамейку со стоном: «Да, ну вас, бегите сами». Скамейка ей вторила стоном, придавленная к земле. Через некоторое время, Ирина, с заходом на второй круг, весело проскакала мимо подруги. А еще минут через семь до скамейки доковыляла главная затейница и примостилась рядом: «Уф, ну, ничего, начинать всегда трудно». Они дождались сайгачившую Ирину, умили ее пыл и пошли прогуляться по парку.

– Главное, – система! – вещала Томка.

В это время они проходили мимо киоска. Умопомрачительно запахло кофе, корицей, свежей выпечкой. Светку потянуло, как магнитом.

– Куда ты? – завопила Тамара, но подруга уже совала в руки теплые булочки, а улыбающийся парнишка колдовал возле кофе-машины.

– Тебе с чем? – обернулась Светка.

– Мне с кокосовым сиропом! – пискнула Ирка.

– Без сахара! – отрезала Томка.

– Ну, значит, один без сахара со сливками, два капучино с сахаром и кокосовым сиропом, – с энтузиазмом сделала заказ Света и полезла за карточкой.

Наслаждались молча. А ведь, действительно, кровь после прогулки побежала веселее, утро было в меру прохладным и красивым, а кофе на свежем воздухе со слойками с корицей, – что может быть лучше для начала дня? Даже Ирина на миг забыла о домашних делах и расслабилась, слушая птичьих голоса и неторопливо отпивая по глоточку ароматный напиток.

– Жить хорошо! – потянулась на стуле Света. – Слушай, Томочка, спасибо тебе, что вытянула нас сегодня!

– Что значит, сегодня? – с подозрением поинтересовалась революционерка.

– Нуууу, вдруг мы завтра не сможет? – тянула свое Светлана.

– Сможем! И разговора быть не может! А теперь идем ко мне.

– Как это к тебе? – удивилась Ирина. – У меня дома конь не валялся.

– А зачем тебе, чтобы он валялся?

– Ну, это я образно. Потом, в душ надо, я, например, вспо-

тела.

– Ты-то вспотела, конечно, – хихикнула Светка, – как вчеласа, не угнаться!

– Хорошо, – примирительно сказала Тамара, – во сколько встречаемся?

– Опять встречаемся? – заныла Ириша. – Ну, что, у тебя дел, что ли нет?

– Есть, конечно, но мы должны научиться уделять себе время. Так во сколько? Лучше соглашайтесь сразу, я все равно от вас не отстану. Зря я что ли, целый план составила по изменению нашей жизни?

– Господи, – взмолилась Ирина, – она еще и план составила! Теперь, нам писец! Ты то, Светик, что молчишь?

– А я что? Я – согласна.

– Тогда, встречаемся у тебя, с тебя и начнем, – решительно сказала Тома.

– Что начнем? – осторожно поинтересовалась ленивица.

– Ревизию.

– Ревизию?! – хором воскликнули подруги.

– Да, ревизию.

Томкин шмон был похож на тайфун средней силы: она металась по квартире, вытаскивала из шкафов плечики и потрясала ими перед круглыми Светкиными глазами:

– Скажи мне, сколько лет этой тряпке? Лет пятнадцать?

Светка слабо отбивалась:

– Да, она, как новая! Посмотри, на ней ни пятнышка.

– Ну, и куда ты ее надеваешь?

– Пока никуда, схуднуть надо.

– Значит, отфэншуим.

– Нет, нет, – испугалась хозяйка, – сама же говоришь, мы будем худеть. А раз я скину пять килограммов по твоему плану, то, как рыбка проскользну в него.

– А это что? Такое еще в прошлом веке носили. Тут не пять скинуть надо, тут все двадцать!

– Это память, – потупилась Светка, – мы с моим в этом в кафе ходили.

– Сто лет назад?

– Ну, в общем, да... Сама знаешь, пенсия, особо не походишь по ресторанам.

– Ирка, а ты куда?

Ирина, глядя на расправу с гардеробом подруги, хотела улизнуть. Тайная мысль спасти кое-какие вещи от аутодафе стала терзать ее душу. Но Тамара была непреклонна.

– Успеешь побегать к своим кастрюлям и сериалам. – И вернулась к ревизии.

Как бы ни отбивалась Светлана от натиска, как бы ни взывала к чувствам подруги, разноцветная гора обрастала дешевой бижутерией, непонятными веревочками, облезлыми ремнями из кожзама, сумками с потрескавшимися ручками, старыми кепками, потерявшими форму шляпами, куртками со сбившемся синтепоном и пуховиком с зашитым рукавом

и торчащими во все стороны перьями. Но по-настоящему дрогнуло сердце Светланы, когда Тамара добралась до обуви.

– Да, ты с ума сошла! Они же кожаные, ты знаешь, сколько я отдавала за них?!

– Да, уже не носят сейчас с острыми носами!

– Сейчас не носят, а года через два мода вернется!

– Но ведь сама же говорила, что узки тебе, что мучение в них ходить?

– Разношу!

Видя, что подруга расстроилась не на шутку, Томка смешила гнев на милость.

– Ладно, обувь сама переберешь, когда созрешь. Пока с тебя и этого достаточно. Давай сумку.

– Какую?

– Большую. Надо все это тряпье на мусорку оттащить.

– Оставь, – тихо сказала хозяйка, – я сама.

– Нет уж, я тебе оставлю, а ты опять все по шкафам разложишь.

– Ну, хоть в фонд какой отдать для неимущих, вещи-то хорошие...

– Хороших тут, конечно, немного, но кое-что есть. Давайте, посмотрим. Но их я заберу в отдельном пакете, отнесу в церковь, там собирают.

Она повернулась к Ирине.

– Теперь идем к тебе.

Ирина уперлась.

– Нет. Только не сегодня. Я уже и так задержалась. Давайте завтра.

– Хорошо, тогда давай посмотрим, что из спортивного есть у Светика.

Придирчиво перебрав весь гардероб подруги, Тамара пришла к неутешительному выводу:

– Ни-че-го! Придется покупать.

И тут флегматичная Светлана возмутилась:

– Нет у меня денег на эту глупость!

– Ты же поставила себе цель!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.